

V. Документы

Показания Ф. Дзержинского по делу убийства германского посланника Гр. Мирбаха

(Комментарий и примечания Бориса Хавкина. См. также его статью «Убийство графа Мирбаха: по следам преступления» в этом выпуске журнала)

Приблизительно в половине июня т.г.¹ мною были получены от тов. Карахана сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти. Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики; кроме того списка был дан в немецком переводе текст двух воззваний. Это дело было передано для расследования тт. Петерсу² и Лацису. Несмотря, однако, на столь конкретные указания, предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили и пришлось всех арестованных по этому делу освободить. Я был уверен, что членам германского посольства кто-то дает умышленно ложные сведения для шантажирования их или для других более сложных политических целей. Уверенность моя опиралась не только на факт, что обыски не дали никакого результата, но и на то, что доставленные нам воззвания нигде в городе распространяемы не были. Затем в конце июня (28-го) мне был передан т. Караханом новый материал, полученный им из германского посольства, о готовящихся заговорах. Сообщалось, что вне всякого сомнения в Москве против членов германского посольства и против представителей Советской власти готовятся покушения и что можно за одним ударом раскрыть все нити этого заговора. Необходимо только сегодня же, то есть 28-го июня, вечером, в 9 часов ровно, послать верных людей (неподкупных) для обыска по Петровке, 19, кв. 35. Необходимо исследо-

¹ Текущего, т.е. 1918 года.

² Петерс Я.Х. – большевик, член коллегии и заместитель председателя ВЧК. (Здесь и далее сведения приводятся на момент упоминания лица в тексте документа).

вать самым тщательным образом абсолютно все находящееся в квартире: каждый клочок бумаги, книги, журналы и т. д. Если найдется что-либо зашифрованное, необходимо доставить в посольство — там сейчас же расшифруют. Хозяин квартиры д-р И. И. Андриянов, у которого живет англичанин Ф. М. Уайбер, главный организатор заговора. Получив такие сведения, гг. Петерсом и Лацисом был послан в указанное место и время (точно) наряд товарищей, заслуживающих полного доверия, для обыска. Было задержано несколько лиц, в том числе учитель английского языка Уайбер. У него было найдено на столе, в книге, шесть листков зашифрованных. Ничего больше, что могло бы его компрометировать, обнаружено не было. Гр. Уайбер на допросе заявил, что он политикой не занимается и что не знает, каким путем попали в его книжку зашифрованные листки, и что он сам недоумевает по этому поводу. Один из найденных листков, начинающийся шифром³, был передан тов. Караханом членам германского посольства для расшифровки по имеющемуся у них ключу. Они отослали нам этот листок обратно уже расшифрованным, а также и самый ключ. Остальные листки расшифровали уже мы (я, Карахан и Петерс). Ознакомившись с содержанием этих листков, я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует и нас, и германское посольство и что, может быть, гр. Уайбер — жертва этого шантажа. Для выяснения своих сомнений я попросил тов. Карахана познакомить меня непосредственно с кем-либо из германского посольства. Я встретился с д-ром Рицлером и лейтенантом Мюллером. Я высказал им все свои сомнения и мою почти уверенность, что кто-то их шантажирует. Д-р Рицлер указал, что трудно предполагать, так как денег дающие ему сведения лица от него не получают. Я указал, что могут быть и политические мотивы предполагаемой мистификации, как, например, желание врагов направить наше внимание на ложные следы. Что здесь какая-то интрига, я тем более был уверен, что я получил вполне достоверные сведения, что именно д-ру Рицлеру сообщено, будто бы я смотрю сквозь пальцы на заговоры, направленные непосредственно против безопасности членов германского посольства, что, конечно, является выдумкой и клеветой. Этим недоверием к себе я объяснил тот странный факт, связывающий мне руки в раскрытии заговорщиков или интриганов, что мне было сообщено об источнике сведений о готовящихся покушениях; этим недоверием, кем-то искусственно поддерживаемым, я объяснил и тот факт, что нам сразу не был прислан ключ к шифру, и что нужно было убеждать д-ра Рицлера дать нам этот ключ к шифру заговорщиков, и что он предлагал первоначально весь материал найденный отправить в посольство. Очевид-

³ В оригинале приводится набор букв, шифр и условных знаков.

ным для меня было, что это недоверие было возбуждено лицами, имеющими в этом какую-либо цель помешать мне раскрыть настоящих заговорщиков, о существовании которых на основании всех имеющихся у меня данных я не сомневался. Я опасался покушений на жизнь графа Мирбаха со стороны монархических контрреволюционеров, желающих добиться реставрации путем военной силы германского милитаризма, а также со стороны контрреволюционеров-савинковцев и агентов англо-французских банкиров. Недоверие ко мне со стороны дающих мне материал связывало мне руки. Результаты обыска, и содержание шифрованных листков, и сам способ шифрования (шифр детский — каждая буква имеет один только знак, слово отделяется от слова, употребление знаков препинания и т. д.), и неизвестность источника не давали мне никаких нитей для дальнейшего следствия. Опыт же мне показал, что неизвестным-источникам, безнаказанным и не подлежащим проверке, доверять ни в коем случае нельзя. Кроме того, в данном случае нельзя было доверять, тем более что упоминаемая в шифрованном письме некая Бендерская, видимо участница заговора, была, как мне (и т. Карахану) было сказано д-ром Рицлером, одновременно и осведомительницей посольства, и было высказано со стороны д-ра Рицлера пожелание не арестовывать ее немедленно, так как тогда она не сумеет узнавать больше и осведомлять о ходе заговора, и чтобы с арестом ее повременить. Я должен отметить, что в расшифрованном в немецком посольстве первом листке фамилия «Бендерская» была заменена точками (.....) (этот расшифрованный листок я отдал при свидании доктору Рицлеру). Я попросил д-ра Рицлера спросить своего осведомителя, откуда он знает, что можно обнаружить материал, произведя обыск ровно в 9 часов, не раньше и не позже, откуда он получил шифр, какое было назначение найденных шифрованных листков, кого он знает из заговорщиков и т. д. Через тов. Карахана я потом настаивал, чтобы меня лично свели с осведомителями. Фамилия главного осведомителя мне не была названа; что касается Бендерской, то было сообщено, что, когда она пришла в посольство в первый раз, у нее был замечен и отобран револьвер. (Бендерская была недавно перед обнаружением шифрованных листков приведена к нам в комиссию по какому-то мало-важному делу и была сейчас же отпущена.) Следствие вел следователь Визнер, заведующий уголовным подотделом. Д-р Рицлер наконец согласился меня познакомить со своими осведомителями. За пару дней до покушения (дня точно не помню) я встретился с ним. В начале нашей беседы присутствовал и лейтенант Мюллер. Я стал расспрашивать осведомителя и с первых же ответов увидел, что сомнения мои подтверждаются, что ответы его неуверенны, что боится меня и путает, одновременно старался, видимо, посеять ко мне недоверие со стороны лейтенанта Мюллера, чтобы обезопасить себя от меня. Оказалось, что это он давал первый раз адреса и указания, и вот стал

при мне же говорить, что по этим адресам были обнаружены нами воззвания, но почему-то дела мы не возбудили. Лейтенант Мюллер был недолго при нашей беседе, и, когда стал уходить, осведомитель вскочил встревоженный тоже уходить, и только заверение лейтенанта, что ему нечего опасаться, что с ним ничего не случится, успокоило его немного, и он остался. Рассказал он мне следующее (восстанавливаю по памяти и отрывочным своим заметкам, записанным во время разговора с ним). Называется Владимиром Иосифовичем Гинчем (адрес свой указать отказался, хотя я не настаивал). Русский гражданин, в Москве живет около 7 лет, кинематографист. Организация, в которую вступил, называется «Союз союзников», то есть «СС» (см. зашифрованные листки), или «Спасение России». Обыск по указанным им германскому посольству в первый раз адресам не дал достаточных материалов потому, что надо было его произвести с субботы на воскресенье, а произведен был со среды на четверг (раньше, чем нужно). Во время обыска по указанному им адресу в доме Нирензее (Б. Гнездиновский, 10) были найдены воззвания начальником отряда, производящим обыск, Кузнецовым. Он сам был через некоего Мамелюка (француза), с которым случайно познакомился, введен в боевую пятерку «СС». Савинков организует пятерками (это неверно, Савинков организует четверками, по схеме военной. Прим, мое.— *Ф. Д.*). В пятерку эту входили: 1) Мамелюк, Олсуфьевский, 3 служит, на фабрике (Плющиха, 19), 2) Моране, 3) Фейхис (Петровка, 17, кв. 98 или 89), который, как он знает, комиссией будет освобожден, как и Уайбер, что отпущены на его освобождение громадные деньги, адвокат получил 50000 рублей (в списках арестованных я такого не нашел.— *Ф. Д.*), 4) Бютель (Большая Дмитровка, 20 или 22, угол Столешникова, кв. 8). Заговорщические воззвания печатались в 7 типографиях. Между прочим на Никитской, 4, что там комиссией были найдены воззвания, в Коммерческом пер., в Серебрянниковском пер., № 5, у Антоновой, где Мамелюк заказывал воззвания. Из этой, последней, типографии он от мальчика получил 2—3 уже отпечатанных воззвания, передал их в посольство, от мальчика, а не от Мамелюка потому, что его заметили, как он ходит в посольство, и перестали доверять. Когда его приняли в «пятерку», потребовали присягу; он дал слово-клятву, что пойманный не выдаст никого из «пятерки», иначе сам будет убит. Заговорщики должны были давать ему воззвания для распространения, для этого дали ему зашифрованный адрес, но потом отобрали. Дали ему 20000 рублей за участие в Союзе и за то, что ездил с ними на станцию Фили, оттуда на извозчике куда-то поехал и привез в Москву 4 ящика. Много воззваний печаталось на пишущих машинах где-то на Лубянке. Шифр он получил таким образом: недели 3 тому назад был у Мамелюка, на столе у него был шифр, сам Мамелюк на несколько минут ушел из комнаты, тогда он переписал его себе. В расшифровке письма, найденного у Уайбера, помогал германскому посольству.

Об Уайбере узнал у Бендерской. Вошел в ее доверие, она проболталась. Просил ее не арестовывать, по крайней мере до субботы, она нужна. Показал ее письмо, писанное к нему, где говорит о каких-то 800 рублях (спросил меня предварительно, знаю ли я почерк, так как она была нами арестована) и о том, что ее задержали и отпустили. Письмо было помечено 28.VI. В письме был указан ее адрес; я сказал ему, что запишу этот адрес, он просил этого не делать, так как до субботы, по крайней мере, будет не нужен. Адрес я все-таки записал, так, чтобы он не заметил, что это адрес. После свидания с этим господином у меня больше не было сомнений, для меня факт шантажа был очевиден. Не мог только понять цели — думал, чтобы «сбить комиссию, и только» и занять не тем, чем нужно. Забыл еще отметить, что в конце разговора, когда я встал, чтобы идти, он просил у меня пропуск в комиссию (что он несколько раз был там со сведениями, но его не хотели выслушивать, что был и в отряде Попова, но тоже толку не добился). После этой встречи я через товарища Карахана сообщил германскому посольству, что считаю арест Гинча и Бендерской необходимым, но ответа я не получил. Были арестованы оба только в субботу после убийства графа Мирбаха.

Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года⁴ в качестве товарища председателя по категорическому требованию членов Совнаркома левых эсеров. Права его были такие же, как и мои, имел право подписывать все бумаги и делать распоряжения вместо меня. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров для организации в отделе по борьбе с контрреволюцией контрразведки по шпионажу.

За несколько дней, может быть за неделю до покушения, я получил от Раскольникова⁵ и Мандельштама⁶ (в Петрограде работал у Луначарского) сведения,

⁴ Ошибка Дзержинского: левый эсер В.А.Александрович вошел в коллегия ВЧК в январе 1918 г.

⁵ Раскольников Ф.Ф. — большевик, заместителя наркома по морским делам и член Реввоенсовета Восточного фронта. Муж писательницы и комиссара Восточного фронта Ларисы Рейснер. Ошибка Дзержинского: Раскольников с жалобой на Блюмкина к Дзержинскому лично не обращался.

⁶ За несколько дней до убийства Мирбаха к Дзержинскому с жалобой на Блюмкина обратились Лариса Рейснер и поэт Осип Мандельштам. Их встречу с Дзержинским устроил Раскольников. Поводом для встречи послужила ссора между Мандельштамом и Блюмкиным, происшедшая в московском «Кафе поэтов». Жена Осипа Мандельштама Надежда Мандельштам вспоминала, что Блюмкин хвастался перед ее мужем своей всеильностью и рассказал, что собирается расстрелять какого-то арестованного искусствоведа как «интеллигентшику». Циничное бахвальство Блюмкина вызвало возмущение Мандельштама. Вернувшись из кафе, он вместе с

что этот тип в разговорах позволяет говорить такие вещи: жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку - через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражд. Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор, но если собеседнику нужна эта жизнь, то он ее оставит и т.д. Когда Мандельштам запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что если он кому-нибудь скажет, то он будет мстить всеми силами. Эти сведения я тот же час передал Александровичу, чтобы он взял от ЦК объяснения и сведения о Блюмкине, для того, чтобы передать его суду. В тот же день на Собрании Комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности. До получения объяснений от ЦК левых с.-р. я решил данных против Блюмкина пока не докладывать. Блюмкина я близко не знал и редко с ним виделся.

Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля, около 3-х часов дня, от председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство вместе с товарищем Караханом, с отрядом, следователями и комиссарами для организации поимки убийц.

Лейтенант Мюллер встретил меня с громким упреком: «Что вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага — удостоверение, подписанное моей фамилией. Это было удостоверение, написанное на бланке комиссии, дающее полномочие Блюмкину и Андрееву просить по делу аудиенции у графа Мирбаха. Такого удостоверения я не подписывал; всмотревшись в подпись мою и товарища Ксенофонтова, я увидел, что подписи наши скопированы, подложны. Мне все сразу стало ясно.

Фигура Блюмкина ввиду разоблачения его Раскольниковым и Мандельштамом — сразу выяснилась как провокатора. Партию левых эсеров я не подозревал еще, думал, что Блюмкин обманул ее доверие. Я распорядился немедленно разыскать и арестовать его (кто такой Андреев, я не знал). Один из комиссаров, товарищ Беленький, сообщил тогда мне, что недавно, уже после убийства, видел Блюмкина в отряде Попова. Между тем сам распорядился о немедленном аресте Гинча, который предлагал до субботы (роковой) не арестовывать Бендерской [...]. Беленький вернулся с известием, что Попов ему сообщил, будто Блюмкин уехал в больницу на извозчике (Блюмкин, как говорили, там сломал себе ногу), но он, Беленький, сомневался в правде слов Попова, что он скрывает его из товарищеского чувства, тогда я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрустальевым), посоветовавшись с председателем Совнаркома, а также и с председателем ВЦИК, поехал сам в отряд, чтобы узнать правду и арестовать

Рейснер обратился за помощью к Дзержинскому. В результате несчастного искусствоведа, как будто, выпустили из заключения. - Н.Я. Мандельштам. Воспоминания. М.1999, с.121.

Блюмкина и укрывающих его. Приехавши в отряд, я спросил Попова: где Блюмкин? — тот ответил, что уехал больной на извозчике; я спросил его: кто видел это?; тот указал на заведующего хозяйством. Призвали его, он подтвердил. Я спросил его, в какую больницу он уехал? — ответил незнанием. В ответах был развязным, видимо, лгал. Я потребовал, чтобы привели постовых солдат, которые подтвердили бы, что видели Блюмкина уезжающим; таких не нашлось. А надо сказать, что солдаты, вооруженные с ног до головы, видимо, были мобилизованы, толпились в штабе и перед штабом, что постовые всюду расставлены. Я потребовал от Попова честного слова революционера, чтобы он сказал, у него Блюмкин или нет. На это он мне ответил: «Даю слово, что не знаю, здесь ли он» (шапка Блюмкина лежала на столе). Тогда я приступил к осмотру помещения, оставив при Попове товарища Хрусталева, и потребовал, чтобы все оставшиеся оставались на своих местах. Я стал осматривать помещение с товарищами Трепаловым и Беленьким. Мне все открывали, одно помещение пришлось взломать. В одной из комнат товарищ Трепалов стал расспрашивать находящегося там финна, и тот сказал, что такой там есть. Тогда подходят ко мне Прошьян и Карелин и заявляют, чтобы я не искал Блюмкина, что граф Мирбах убит им по постановлению ЦК их партии, что всю ответственность берет на себя ЦК. Тогда я заявил им, что я их объявляю арестованными и что если Попов откажется их выдать мне, то я его убью как предателя. Прошьян и Карелин согласились тогда, что подчиняются, но вместо того чтобы сесть в мой автомобиль, бросились в комнату штаба, а оттуда прошли в другую комнату. При дверях стоял часовой, который не пустил меня за ними; за дверями я заметил Александровича, Трутовского, Черепанова, Спиридонову, Фишмана, Камкова и других, не известных мне лиц. В комнате штаба было около 10—12 матросов, я обратился к ним тогда, требуя подчинения себе, содействия в аресте провокаторов. Они оправдывались, что получили приказ в ту комнату никого не пускать. Тогда входит Саблин, подходит ко мне и требует сдачи оружия; я ему не отдал и снова обратился к матросам, позволят ли они, чтобы этот господин разоружил меня — их председателя, что их желают использовать для гнусной цели, что обезоружение насильственным меня, присланного сюда от Совнаркома, — это объявление войны Советской власти. Матросы дрогнули; тогда Саблин выскочил из комнаты. Я потребовал Попова, тот не пришел; комната наполнялась матросами, подошел тогда ко мне помощник Попова Протопопов, схватил за обе руки, и тогда меня обезоружили. Я обратился снова к матросам. Тогда входит Спиридонова и по-своему объясняет, почему нас задерживают — за то, что мы с Мирбахом. Между, прочим, Трепалов говорил мне, что его обезоружила собственноручно Спиридонова, то есть матросы держали его за руки, а она вынула из кармана револьвер. Обезоружив нас, к нам приставили караул, а сами уст-

роили рядом митинг, где слышен был голос Спиридоновой и хлопки. Надо было с себя и с матросов снять тяжесть измены (это все чувствовали во время нашего обезоруживания) при помощи их фраз и выкриков. Должен еще отметить, что Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, и, когда я ему бросил «изменник», сказал, что всегда выполнял мои приказания, а теперь действует по постановлению своего ЦК. Стал бросать потом обвинения, что наши декреты пишутся по приказанию «его сиятельства графа Мирбаха», что мы предали Черноморский флот. Матросы же обвиняли в том, что отнимаем муку у бедняков, что погубили предательски флот, что обезоруживаем матросов, что не даем им ходу, хотя они на себе вынесли всю тяжесть революции. Единичные голоса раздавались, что обезоружили их, анархистов, расстреляли в Бутырках больше 70 человек, что «меня, например, Советская власть в Орле посадила на 3 месяца на пасху», что в деревнях повсюду ненавидят Советскую власть. Потом пришли Черепанов, Саблин. Этот, первый, потирая руки, радостно говорил: «У вас были октябрьские дни — у нас июльские, за мной 12 лет научной работы (говорил это, упоминая и опровергая Демьяна Бедного). Мир сорван, и с этим фактом вам придется считаться, мы власти не хотим, пусть будет так, как на Украине, мы пойдем в подполье, пусть займут немцы Москву». Попов говорил, что с чехословаками теперь не придется воевать. Потом привели арестованными Лациса, Дабола⁷ и др., потом Жаворонкова (секретаря Муралова), члена Морской коллегии (по фамилии не знаю), ночью — Смидовича, Винглинского и др. Попов радостный прибежал к нам часто со сведениями: «Отряд Винглинского присоединился к нам, Покровские казармы арестовывают комиссаров и присоединяются к нам, латыши к нам присоединяются, все Замоскворечье за нами, прибыло 2000 донских казаков из Воронежа, Муравьев⁸ к нам едет, Мартовский полк с нами. У нас уже шесть тысяч человек, рабочие шлют нам делегации». Их радужное настроение испортило известие, что Спиридонова и фракция их арестованы. Попов влетел: «За Марию снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, полтеатра». И действительно, были нагружены людьми автомобили и уехали для выручки. Раздавались консервы, сапоги, провиант, достали белье, баранки. Замечалось, что люди выпили. Из разговоров наших с матросами видно было, что чувствовали свою неправоту и нашу правду. Очевидно было, что там не было никакой идейности, что говорило через них желание нажиться, людей, уже оторванных от интересов трудовых масс, солдат по профессии, вкусивших сладости

⁷ Дабол Я.М. — заведующий комендантским отделом ВЧК.

⁸ Муравьев М.А. — левый эсер, командующий Восточным фронтом. После событий 6 июля 1918 г. пытался выступить с оружием против большевиков. При аресте оказал сопротивление и был убит.

власти и полной беззаботной обеспеченности в характере завоевателей. Многие из них — самые пьяные — имели по 3 - 4 кольца на пальцах.

Как случилось, что такие попали к нам в отряд? Это дело Александровича, Попова и ЦК левых эсеров. Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в комиссии, и всегда почти он соглашался со мной и никакого двуличия не замечал. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я не поручил бы ему дела против Блюмкина, не поручил бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникали сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу помириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо, и не может быть после всего двух мнений о нем. Отряд же его превратился в банду следующим образом: после посылки финнов на чехословацкий фронт⁹ осталось их в отряде немного, из оставшихся более сознательных Попов стал увольнять и набирать новых уже для определенной цели. Александрович стал туда постоянно ездить. Пришли черноморцы, я получил о них сведения от т. Цюрупы, что это банда. Велел Попову сделать разведку. Отряду Попова всегда поручалось разоружение банд, и он всегда блестяще выполнял такие поручения, в результате без ведома комиссий он принял до 150 человек в свой отряд, принимал также и балтийцев по собственному почину и для своих целей. За 2—3 дня до роковой субботы Попов держал свой отряд в полной боевой готовности, нервируя всех «данными» своей разведки, что немецкие контрреволюционеры собираются разоружить отряд и арестовать самого Попова. В ночь с пятницы на субботу Попов забил особенную тревогу, что якобы нападение готовится в эту ночь. Верность своих данных подтверждал тем уже неизмысленным фактом, что получил от комиссии повестку явиться для допроса в субботу в 2 часа дня. Повестка была послана комиссией по делу обвинения его в злоупотреблениях при получении с интендантства консервов. Получал гораздо большее количество, чем имел на то право. Оставшиеся финны в большинстве своем остались нам верны до конца.

Должен добавить еще, что из видных эсеров, находясь в помещении, я видел Магеровского. Он пришел к нам в комнату и просил одного из заключенных ими наших латышских разведчиков пойти к нашим и сказать, что все это недоразумение. Александрович, как оказалось, теперь, получив для сдачи в

⁹ Речь идет об отправке на Восточный фронт, для борьбы против восставшего Чехословацкого воинского корпуса, коммунистического финского отряда ВЧК во главе с членом коллегии ВЧК С.П.Черновым. Отметим, что значительная часть немецкой военной помощи шла на борьбу против чехословаков с целью недопущения их эвакуации из России, так как после эвакуации Чехословацкий корпус мог бы принять участие в боевых действиях на Западном фронте на стороне Антанты.

кладовую пятьсот сорок четыре тысячи рублей, отобранных у арестованного, передал эти деньги в ЦК своей партии. Кроме того, он старался посеять к Заксу¹⁰ недоверие, заявив мне, что ЦК его не доверяет ему.

10 июля 1918 года

Ф. Дзержинский

¹⁰ Закс Г.Д. – левый эсер, заместитель председателя и член коллегии ВЧК. После событий 6 июля 1918 г. порвал со своей партией и образовал партию народников-коммунистов, которая в ноябре 1918 г. вошла в РКП (б).